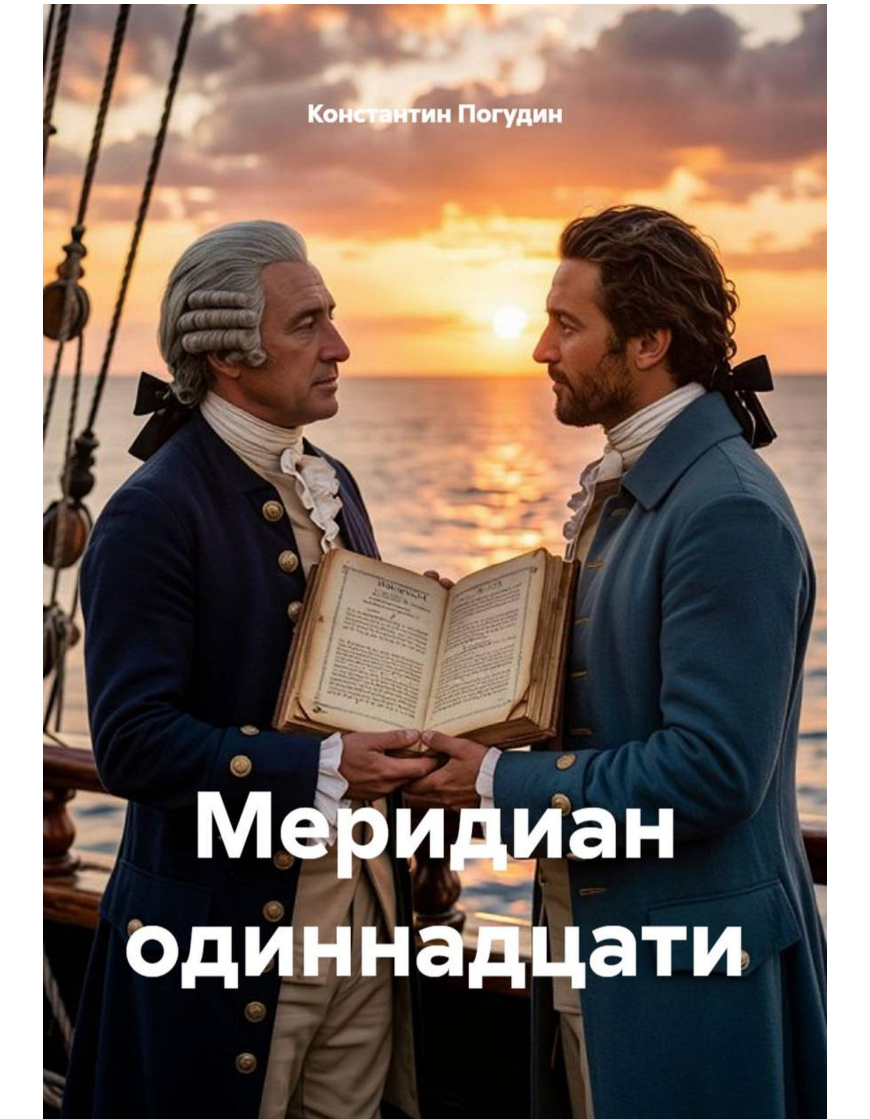

The image is a book cover for 'Meridian Eleven' by Konstantin Pogudin. It features two men in 18th-century attire on a ship's deck at sunset. The man on the left is older, with a powdered wig and a dark blue coat, holding an open book. The man on the right is younger, with a beard and a similar coat, looking at the book. The background shows the sea and a sunset sky with clouds. The title 'Меридиан одиннадцати' is at the bottom, and the author's name 'Константин Погудин' is at the top.

Константин Погудин

Меридиан одиннадцати

Константин Погудин

Меридиан одиннадцати

<https://litres.ru/74567667>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение романа «Обсерватория на краю карты» 1727 год. Три года назад Огюстен Мерсье и капитан Элеонор Блэквуд нашли в Карибском море древнюю обсерваторию. Теперь поправка к одному знаку в таблицах указывает на пустое место в Индийском океане: здесь должна лежать вторая станция из одиннадцати.

Штурман Амара знает старую песню-лоцию с десятью куплетами. Иезуит де Мело знает первую строку одиннадцатого. Корсар Бонвиль знает цену всему на свете. А лорд Крэй из Ост-Индской компании идёт на неделю впереди и готов превратить знание в монополию.

Штиль, шторм, остров, который показывается только при отливе, и подводный зал, запёртый приливом. Классический приключенческий роман в духе Жюль Верна о том, что знание принадлежит всем.

Содержание

Глава первая. Письмо из Парижа	4
Глава вторая. Порт-Луи	12
Глава третья. Песня муссона	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Константин Погудин

Меридиан одиннадцати

Глава первая. Письмо из Парижа

Март тысяча семьсот двадцать седьмого года выдался в Париже сырым и ветреным, и Огюстен Мерсье, сидя за столом в своём кабинете при Королевском ботаническом саде, с лёгким удивлением обнаружил, что скучает по качающейся палубе.

Прошло три года с тех пор, как «Сент-Клэр» вернулся из Карибского моря. Три года мёда и чернил: Мерсье получил звание хранителя кабинета естественной истории, его имя стояло на титульном листе «Таблиц приливов, течений и звёздных положений», напечатанных в Париже за счёт Сада и разошедшихся за месяц. Штурманы из Бреста, Нанта и Сен-Мало писали ему благодарственные письма. Один капитан из Дюнкерка сообщил, что спас судно, когда по таблице распознал приближение шторма. Другой уверял, что теперь определяет положение на море вдвое точнее.

Мерсье читал эти письма и чувствовал себя счастливым. И всё же каждый вечер, закрыв очередной том, он смотрел на роспись на потолке, где были нарисованы благонравные нимфы, и ловил себя на мысли, что ждёт чего-то другого.

На стене напротив стола висела карта мира, а над ней, в рамке, тонкий пергамент, склеенный из двух половин. Роза ветров в углу, одиннадцать лучей. Он смотрел на неё чаще, чем хотел признаться.

— Вы опять смотрите на карту, — сказали за спиной. — Одиннадцать лет Блэквуд-старший просидел в этой горе, а вам трёх лет хватило, чтобы заскучать.

Мерсье обернулся. В дверях стояла Элеонор Блэквуд, в дорожном плаще, с мокрыми от дождя волосами, и улыбалась так, что шрам на щеке сделался почти незаметным.

— Капитан, — сказал он, поднимаясь. — Вы не писали, что приедете.

— Я не писала, потому что хотела посмотреть на ваше лицо. — Она сбросила плащ на спинку стула. — Я только что из Адмиралтейства. Помилование подписано, формально я больше не пират. Теперь я капитан Блэквуд на службе Королевского сада, с жалованьем, патентом и правом входить в порты без пальбы.

— Поздравляю.

— Я бы выпила за это, если бы у вас нашлось что-нибудь крепче чернил.

Он достал из шкафа бутылку и два стакана. Они сели у камина, и несколько минут говорили о мелочах: о здоровье Эдмунда, который поселился в Гавре у старого друга и целыми днями чертил на песке звёздные карты, о Гаспаре, который наконец согласился лечь в больницу с больной ногой

и сбежал оттуда на третий день, о Дюпоне, получившем назначение на «Сент-Клэр». И о Финче.

— Томас растёт, — сказала Блэквуд с неожиданной нежностью. — Ему семнадцать. Он сдал экзамен на штурманского ученика в Королевской школе гидрографии. Говорят, лучший в своём выпуске.

— Он всегда был лучшим, — отозвался Мерсье. — Только бумаги ему не хватало.

Она засмеялась, потом вдруг стала серьёзной.

— Огюстен. Я приехала не только за этим. Нам нужно говорить о второй экспедиции.

Они давно думали о ней, хотя вслух говорили редко. Одиннадцать лучей розы ветров, одиннадцать цифр в счёте древних, одиннадцатилетний цикл Солнца: всё в той обсерватории подчинялось одному числу. Эдмунд ещё в зале, под куполом, сказал о том, чего они пока не хотели касаться: что остров, где они были, не единственный.

— Одиннадцать лучей, — повторила Блэквуд, подойдя к карте. — Одиннадцать мест. Если мой отец прав, то где-то в мире стоят ещё десять таких обсерваторий.

— И соединены они в единую сеть. — Мерсье встал рядом. — Измерения, которые велись в одном месте, подтверждались в другом. Так, наверное, они и определяли размеры Земли, и положение звёзд, и время. Это была не одна башня, а система.

— Отцовский прибор указывает на следующий луч.

— Указывает. Но указывает приблизительно. Гравировка на нём слишком грубая, а таблицы, которые мы скопировали на острове, дают только направление. Мы должны вычислить точку.

— Вы пробовали?

Он молча кивнул на стол. Там, среди бумаг, лежала толстая тетрадь, исписанная до последней страницы колонками одиннадцатеричных чисел.

— Я считал полгода, — сказал Мерсье. — Выходит Мадагаскар, северная часть, залив у мыса Амбр. Но каждый раз, когда я проверяю расчёт по приливам, получается расхождение. Небольшое, но систематическое. Как будто я где-то ошибся в счёте и не могу найти где.

В дверь постучали.

Вошёл привратник Сада, пожилой, сутулый, с мокрым зонтом в руке, и протянул Мерсье письмо.

— Из типографии, господин хранитель. Привёз мальчишка, сказал, срочно.

Мерсье взял конверт. Почерк на нём был знакомым, мелким и ровным, с прямыми засечками. Он замер на мгновение, потом вскрыл печать.

Огюстен,

Прошу прощения, что пишу тебе без предупреждения. Ты знаешь, что я не имею права рассчитывать на твоё доверие, и я не прошу его. Прошу только прочесть до конца.

Три недели назад мы готовили к печати второе издание

твоих таблиц. Я гравировал листы, и мне пришлось заново переписать семь страниц из тех, что снимали на острове. Работая над седьмой плитой, я заметил, что знак переноса, тот самый кружок в конце ряда, стоит не там, где ты его читал. В оригинале он смещён на одну позицию вправо. Ты принял его за конец числа. На самом деле это начало следующего.

Я перепроверил три раза. Ошибка не в расчёте, а в чтении. Все числа на плитах с седьмой по одиннадцатую были прочитаны на разряд меньше, чем следовало. Это меняет координаты. Не на градус и не на два: на целую четверть пути.

Я пересчитал заново. Мадагаскара больше нет. То, что мы искали, лежит почти на пятьсот лье восточнее, в открытом океане, между Мадагаскаром и Мальдивами. На картах там пусто.

Есть ещё одно обстоятельство, о котором я должен сказать. На прошлой неделе в типографию приходил человек. Англичанин, лет пятидесяти, дорого одетый, назвавшийся лордом Крэм из Ост-Индской компании. Он интересовался оригиналом седьмой плиты и предложил за него столько, что я принял бы это за шутку, если бы не серьёзность его лица. Я отказал. Он ушёл, не настаивая. Но мне не понравилось, как он улыбался.

Я не прошу прощения за прошлое. Я прошу только, чтобы ты знал.

М. К.

Мерсье дочитал и долго стоял молча. Лист в его руке дрожал. Блэквуд подошла, осторожно взяла письмо, пробежала глазами и подняла на него глаза.

— Он прав?

— Не знаю. — Мерсье опустил на стул. — Если он прав, то все мои расчёты за полгода были бесполезны. Но тогда объясняется то систематическое расхождение, которое я не мог найти.

— Проверьте.

Он уже тянулся к тетради.

Они просидели до глубокой ночи. Блэквуд сидела рядом, подавала карандаши, молча переворачивала страницы. Около десяти вечера явился Финч, прибежавший из школы на улице Сен-Виктор. Подросток, вытянувшийся, с тонкими усиками, которых он явно стеснялся, и с тем же упрямым подбородком. Он замер на пороге, увидев их склонившимися над столом.

— Сударь! Капитан! Что случилось?

— Помогай, — сказал Мерсье, не оборачиваясь. — Пересчитай седьмую плиту. С поправкой на разряд.

Мальчик скинул мокрую куртку, схватил перо и принялся за работу.

К часу ночи расчёт был готов.

Мерсье положил карандаш и откинулся на спинку стула. Он был бледен. Блэквуд, стоявшая у окна, обернулась на его

молчание.

— Ну?

— Он прав. — Мерсье потёр глаза. — Совпадает всё: приливы, склонения, углы. Всё, что не сходилось, теперь сошлось. Остров, или что там вместо него, лежит в Индийском океане, в самом центре пустого пространства, которое на всех картах закрашено синим. Ни одного острова, ни одной отмели, ни одного рифа.

— Значит, мы искали не там, — тихо сказала Блэквуд.

— Мы искали там, где нас хотели заставить искать. Если не ошибка, то подсказка. Кто-то в тот день, много столетий назад, вырезал кружок в нужном месте, чтобы тот, кто ошибётся, ошибся по-крупному.

— А кто не ошибётся?

Мерсье посмотрел на неё.

— Тому откроется вторая обсерватория.

Финч, державший листок с расчётом, вдруг поднял голову.

— Сударь, — сказал он. — А как же письмо Кремье? Про человека из типографии?

— Я думаю об этом.

— Ведь таблицы напечатаны, — продолжал мальчик, медленно, как человек, который нащупывает мысль. — Мы сами отдали их всему миру. Любой штурман может купить том за несколько ливров. Любой может найти ту же ошибку. А если человек с деньгами и кораблями прочтёт седьмую плиту

внимательнее нас...

Он не договорил.

Блэквуд подошла к столу, взяла со стопки бумаг свежую лондонскую газету, которую привёз ей кто-то из знакомых в Адмиралтействе, и развернула. На третьей странице, среди объявлений о торгах, была заметка, набранная мелким шрифтом.

— «Из Портсмута вышел на прошлой неделе корабль Его Величества Компании "Ост-Индиец" под командой лорда Эшфорда Крэя, — прочла она вслух, — с особым поручением, направление которого не оглашается».

Тишина в кабинете стала плотной, как мокрое сукно.

— Неделя, — сказал Мерсье.

— Он идёт на восток.

— Мы отстаём на семь дней и на восемь тысяч миль.

Блэквуд бросила газету на стол. Лицо у неё было спокойным, и только в глазах горел тот же огонёк, что и три года назад, у борта «Сент-Клэр».

— Тогда, господин учёный, — сказала она, — не будем терять ни часа.

Глава вторая. Порт-Луи

Остров Иль-де-Франс поднялся из океана на рассвете сто тридцать первого дня пути, зелёный, зубчатый, окутанный облаками, как будто кто-то поставил посреди воды огромную раковину и накрыл её шерстяным платком.

Мерсье стоял на баке «Сент-Клэр» и смотрел, как из тумана выступают пики гор. Позади, на корме, Дюпон отдавал короткие команды, и матросы, которым четыре месяца качки не прибавили ни терпения, ни вежливости, тянули канаты так, словно хотели вытащить из воды весь остров разом. С правого борта шла «Ласточка», обновлённая, перекрашенная в тёмно-синий цвет, с королевскими лилиями на бизани: Королевский сад заплатил за ремонт, и Блэквуд впервые за много лет вошла в порт под настоящим флагом.

— Красиво, — сказал за плечом знакомый голос. — Мне раньше казалось, что острова Индийского океана рисуют придворные живописцы, чтобы нас обмануть.

Это был Эдмунд Блэквуд. Он держался за поручень обеими руками и смотрел на берег с тем же упорным вниманием, с каким когда-то смотрел на звёзды. Три года на свободе почти не изменили его: тот же высокий, сухой, седой, но в движениях появилась хрупкость, которой раньше не было. Жена капитана Дюпона, провожавшая экспедицию в Гавре, утверждала, что старик ест как воробей и работает как мул.

Мерсье был склонен ей верить.

— Вы обещали беречь себя, сударь, — сказал Мерсье.

— Я обещал дочери. Это не одно и то же.

На палубу выбрался Кремье, бледный после четырёх месяцев морской болезни и необходимости сидеть за одним столом с людьми, которых он когда-то обманывал. Но он держался. Мерсье давно перестал замечать в нём прежнюю гладкую вежливость: вместо неё в его лице появилась усталая прямота. Картограф разложил на бочке последнюю версию маршрута и осторожно кашлянул.

— Огюстен, — сказал он. — Я считаю, что от порта нужно брать на северо-восток, но муссон...

— Муссон нам нужен как союзник, а не как враг, — закончил Мерсье. — Знаю. Нам нужен лоцман.

— Или лоцманша, — фыркнул Эдмунд. — Хотя в этих водах скорее всего первое.

Порт-Луи оказался небольшим, но живым городком: форт на скале, ряды деревянных складов, красные черепичные крыши, пахнущие дымом и смолой, шумный рынок, где торговали сахаром, кофе, чёрным деревом и рабами. Мерсье отвернулся от последних. Блэквуд, шедшая рядом, сжала челюсти, но не сказала ни слова.

Губернаторский секретарь, румяный молодой человек с пером за ухом, принял их в канцелярии и сразу перешёл к делу.

— Вы ищете англичанина? — спросил он, едва выслушав.

— Он был здесь. Две недели назад.

— Лорд Крэй?

— Именно. Корабль «Ост-Индиец», сорок пушек, двести человек. Простоял три дня, закупил воду и провизию, скупил все лоции, какие мог найти. Потом спрашивал, нет ли лоцмана, который знает пустые воды восточнее Мадагаскара. — Секретарь вздохнул. — Никто не взялся. Эти воды называют Дорогой Мёртвых: течения там странные, ветры путанные, а островов нет, так что и остановиться негде.

— И он ушёл без лоцмана?

— С одним мальгашом из Фор-Дофина, который врёт, что знает. Его, конечно, никто не слушал.

Мерсье переглянулся с Блэквуд. Две недели. Крэй опережал их на столько же, на сколько и в Париже. Но если у него нет настоящего лоцмана и если он не знает правильного чтения плит, то он идёт вслепую.

— Нам тоже нужен лоцман, — сказала Блэквуд. — Кого посоветуете?

Секретарь почесал нос пером.

— Если бы вы спрашивали три года назад, я бы сказал: никого. Но теперь на рейде стоит дау из Занзибара. Хозяин говорит, что у него есть штурман, который однажды вернулся из таких мест, откуда не возвращаются. — Он замялся. — Только...

— Что?

— Говорят, он не берёт людей из Европы. И не берёт зо-

лота. Но может, вам повезёт.

Прежде чем идти на рейд, Блэквуд повела Мерсье в таверну у самой пристани, длинное низкое здание с закопчёнными балками. Здесь, за столом у окна, сидел человек, при виде которого она остановилась и вздохнула.

— Я так и знала.

Человек поднялся навстречу. Это был высокий, красивый, загорелый мужчина лет сорока, в красном камзоле с серебряным шитьём и в шляпе с огромным страусовым пером. Волосы у него были чёрные, блестящие, перехваченные лентой, в левом ухе покачивалась золотая серьга. Улыбка лучилась самодовольным, обезоруживающим обаянием.

— Элеонор! — воскликнул он, раскинув руки. — Дорогая, я скучал! Мне сказали, что вы простили себя и купили патент. Но я не поверил. Не может быть, думал я, чтобы лучший капитан Индийского океана скатилась до придворной жизни.

— Бонвиль, — сказала Блэквуд, не принимая объятий. — Рафаэль Бонвиль, корсар с острова Бурбон. Мерсье, познаться: этот человек однажды увёл у меня из-под носа голландский галеон, который я выслеживала три недели.

— Я выслеживал его четыре, — поправил Бонвиль. — Господин учёный! Ваши таблицы спасли мне два корабля. Я прочитал их от корки до корки. Вы гений. — Он сел и жестом пригласил остальных. — Я пью за ваше здоровье.

— Что вам нужно? — спросила Блэквуд.

— Ничего. Всё. — Он налил вина. — Вы идёте на восток, в Дорогу Мёртвых. Я знаю эти воды. Я плавал там, когда вы ещё ходили по палубе королевского линейного судна. Мне нужна доля. Десятая часть всего, что вы найдёте.

— Мы не ищем золото.

— Я знаю. Вы ищете знание. А знание, как известно, стоит дороже. — Он усмехнулся. — Я человек практичный.

Мерсье, молчавший до этой минуты, вдруг сказал:

— Господин Бонвиль, в Порт-Луи был англичанин. Лорд Крэй. Говорят, он спрашивал о лоцманах и навигаторах. Он говорил и с вами?

Улыбка корсара не дрогнула.

— Разумеется. Он предложил мне двести пистолей за сведения о вашей экспедиции.

Блэквуд опустила стакан.

— И вы?

— Взял, конечно. — Бонвиль пожал плечами. — Двести пистолей, дорогая. Я что, дурак отказываться? Но я рассказал ему только то, что он хотел услышать. То есть что вы идёте к северной оконечности Мадагаскара.

— Это ложь.

— Разумеется, ложь. — Он улыбнулся ещё шире. — Вы же сами так считали до недавнего времени. По-моему, это справедливая сделка.

Блэквуд долго смотрела на него. Потом сказала сухо:

— Я подумаю.

— Думайте, душа моя. Только недолго. — Бонвиль приложился к стакану. — Крэй не из тех, кто ждёт.

На рейде стоял дау: длинное, узкое, лёгкое судно с одной косой мачтой и латинским парусом, выкрашенное в охристый цвет. На носу, прямо под бушпритом, был нарисован большой глаз. Финч, который весь день болтался по пристани с блокнотом и выяснял, что можно, у всех подряд, встретил их на причале и замахал руками.

— Сударь! Капитан! Сюда! Я нашёл!

Он провёл их на узкий мостик, перекинутый на борт. На палубе, среди кип с гвоздикой и тюков с кофе, сидела девушка и что-то чинила в оснастке. Мерсье увидел её сначала со спины: прямую, сильную, в длинной индиговой рубаше, с платком на голове, из-под которого выбивались тугие тёмные кудри. Потом она повернулась.

Ей было лет двадцать пять или двадцать шесть. Лицо у неё было тёмное, тонкое, с высокими скулами и взглядом такой спокойной, внимательной силы, что Мерсье невольно выпрямился. В руке она держала странный инструмент: деревянную дощечку с продетой через неё верёвкой, на которой завязано множество узлов.

— Амара, — сказал Финч почти благоговейно. — Штурман с Занзибара. Это её камуль. По нему она меряет высоту звёзд. Сударь, вы видели? Она определяет широту без квадранта!

— Видел, — сказал Мерсье, хотя ничего подобного не ви-

дел.

Амара поднялась. Она держалась спокойно, как человек, привыкший, что на неё смотрят с недоверием.

— Вы французы, — сказала она на хорошем французском. — Хозяин говорил, что вы придёте. Англичанин приходил раньше. Предлагал мне золота за то, чтобы я провела его корабль в Дорогу Мёртвых.

— И вы?

— Отказалась. — Она посмотрела на Блэквуд. — Человек, который считает море в фунтах, не сумеет сосчитать и его дни.

Блэквуд улыбнулась уголком рта. Мерсье, заметив это, вдруг подумал, что они, пожалуй, поладят.

— Мы не предлагаем золота, — сказал он. — Мы просим помощи. Нам нужно найти место в океане, которого нет на карте. Я могу показать вам, как мы его вычислили.

Он достал из футляра пергамент и разложил на бочке. Амара взглянула, и вдруг лицо её переменялось. Она наклонилась ниже. Пальцы её, жёсткие от канатов, замерли над розой ветров в углу листа.

— Одиннадцать, — сказала она тихо. — Откуда у вас это?

— Нашли. В Карибском море. — Мерсье насторожился. — Вы знаете этот знак?

Амара молчала долго. Потом выпрямилась, и в глазах её, прежде спокойных, мелькнуло что-то похожее на испуг, а может быть, на радость.

— Моя бабка пела песню, — сказала она. — Песню-лоцию, которую поют на нашем берегу, когда парус идёт на восток. В ней одиннадцать куплетов. Каждый про свой берег, свой ветер, свою звезду. Я знаю десять.

— А одиннадцатый?

— Одиннадцатый знала только она. — Амара посмотрела прямо на Мерсье. — Мне казалось, что она его придумала. Но если вы нашли эту розу, то, возможно, она его просто забыла.

Над рейдом звонил вечерний колокол, и в сумерках поднимался ветер, пахнувший гвоздикой, смолой и далёким дождём. Финч, стоявший рядом, затаил дыхание. Мерсье вдруг осознал, что за плечами у него долгий путь, а впереди пустой океан, и что пройти его им придётся не по картам, а по песне.

Глава третья. Песня муссона

Она запела, когда над рейдом зажглись первые звёзды.

Дау стоял на якоре в стороне от остальных судов, тёмный, узкий, с поднятым носом, и казался на воде чем-то вроде птицы, присевшей отдохнуть. Команда, шесть молчаливых людей в длинных рубахах, ушла на берег. На палубе остались Амара, Мерсье, Блэквуд, Эдмунд, Финч, приведённый туда за руку, как провинившийся школяр, и Кремье, который никак не мог решить, можно ли ему здесь находиться. Мерсье положил перед ним лист бумаги и перо и сказал только: «Записывай». Картограф кивнул и больше не сомневался.

— Это не песня для праздника, — предупредила Амара, садясь на бухту каната. — Её поют в море, одним голосом, чтобы не сбиться с счёта. Слова простые. Смысл в порядке.

Она закрыла глаза, глубоко вдохнула и запела.

Голос у неё оказался низкий, глуховатый, с странной вибрацией, будто он шёл не из горла, а из самой груди. Мелодия повторялась короткими кругами, и в каждом круге звучало несколько слов на языке, которого Мерсье не знал, но ритм которого понял сразу: так считают. Раз, два, три. Звезда, ветер, берег.

Она пела долго. Когда кончила, наступила тишина. Только вода плескалась о борт, и где-то на берегу лаяла собака.

— Это был первый куплет, — сказала Амара. — Их де-

сать.

— Переведите, — попросил Мерсье.

Она открыла глаза и заговорила медленно, как человек, который переводит с языка сердца на чужой язык разума.

— «Когда Южный Крест стоит на левом плече, а ветер дует из-за спины, иди, пока вода не станет цвета молока. Там берег, которого не видно». Это про начало пути. Про то, как выйти из Занзибара. Второй куплет про течение у Коморских островов. Третий про звезду, которая встаёт над водой, как рыба...

Она пересказывала куплет за куплетом, а Мерсье, склонившись над своей тетрадью, торопливо записывал. Финч держал фонарь. Кремье чертил схему. Эдмунд, сидевший у борта с закрытыми глазами, вдруг улыбнулся.

— Это таблица, — сказал он. — Господи, Огюстен, это та же таблица. Ритмом.

— Я заметил.

— Ну так сверяйте!

Мерсье уже сверял.

Он раскрыл тетрадь на странице с исправленной седьмой плитой. Знаки, цифры, склонения. Потом вернулся к записи Амары. Третий куплет: звезда, поднимающаяся над водой, как рыба. Он нашёл в таблице звезду, которая в нужный сезон встаёт на северо-востоке: Альтаир. Четвёртый куплет: птица, которая летит вперёд и не оглядывается. Орёл. Тот же Альтаир, но на следующую ночь, на градус левее. Пятый:

рыбак с острогой, Орион. Шестой: две сестры...

— Плеяды, — сказал Финч. — Это Плеяды.

Куплет за куплетом песни ложилась на плиты. Не точно, не цифра в цифру, как у математика, а так, как ложатся друг на друга два перевода одной книги. Мерсье показывал, где звезда названа, где ветер, где течение, и Амара кивала. Блэквуд, державшая фонарь так, чтобы он не мешал, смотрела на них обоих с тем особым выражением, с каким женщина, привыкшая командовать, видит, что кто-то другой командует лучше неё.

— Девятый куплет, — сказала Амара. — Он про последнюю перед пустотой звезду. Про Канопус, который стоит над левой рукой. Про ветер, который падает. Про воду, которая становится гладкой как ладонь.

— А десятый?

— Десятый про море, которое делает вдох. — Она запнулась. — Я никогда не понимала, что это значит. Бабка говорила: тот, кто увидит, поймёт.

— Море делает вдох, — повторил Мерсье и записал. — Что-то, что происходит раз в день. Или раз в месяц.

— Прилив, — сказал Эдмунд, не открывая глаз. — Или отлив.

— Возможно.

— А одиннадцатый куплет? — спросила Блэквуд.

Амара опустила голову.

— Одиннадцатый для тех, кто возвращается. Так она го-

ворила. Его не поют заранее. Его узнают на месте.

Было уже около полуночи, когда Мерсье отложил перо и огляделся.

Над рейдом стояла такая тишина, какой не бывает у берегов Европы. Звёзды висели низко и густо, огромные, как фонари. Южный Крест лежал на боку над мачтами. Из тетради на него смотрела исписанная колонками страница, на которой старый расчёт сходил с песней.

— Кремье был прав, — сказал он. — Второй остров лежит в той точке, где мы рассчитали. Песня подтверждает. Но есть поправка. Сорок лье к северо-востоку. Здесь, в девятом куплете, течение, которое я не учитывал.

— То есть ваш расчёт без Амары был неточен? — спросил Финч.

— Мой расчёт без Амары привёл бы нас в точку, где мы разминулись бы с островом на сорок лье и не заметили этого. Вы понимаете? Мы бы искали его неделями и не нашли.

Он повернулся к Амаре и сказал просто, как говорят правду, которую давно носили в себе:

— Без вас мы не справимся. Я прошу вас пойти с нами.

Она ответила не сразу. Над водой раздался крик ночной птицы, потом тихий всплеск рыбы. Амара смотрела на Мерсье с тем же ровным, оценивающим вниманием, с каким смотрела на небо.

— Я скажу вам, почему отказала англичанину, — произнесла она наконец. — Не только потому, что он считает мо-

ре в фунтах. У меня был дядя. Капитан дау, лучший в роду. Двенадцать лет назад он ушёл по этой песне в Дорогу Мёртвых. С ним ушли шестнадцать человек. Никто не вернулся.

— Мне жаль.

— Не нужно. Дядя ушёл, потому что хотел узнать одиннадцатый куплет. Бабка запретила ему. Он не послушал. — Она провела рукой по узелкам камуля. — Бабка умерла в прошлом году. Одиннадцатый куплет она унесла с собой. Теперь я знаю десять и не знаю, что это значит: тот, кто пойдёт дальше, вернётся или нет.

— Но вы всё равно хотите идти?

— Я хочу узнать, что случилось с дядей. — Она подняла голову. — И хочу, чтобы песню знал кто-то ещё, кроме меня. Она умирает, господин Мерсье. Молодые не учат её. Им хватает компаса.

Мерсье молчал. Он вдруг понял, что слышит в её голосе то, что слышал когда-то у Блэквуд: жажду узнать, что стало с человеком, которого любил.

— Условия, — сказала Амара. — Я не слуга и не наёмница. Я иду как штурман. На корабле командует капитан, это я понимаю. Но по ветру и течению последнее слово за мной. Если я скажу, что нужно поворачивать, вы повернёте.

— Согласна, — сказала Блэквуд, не колеблясь. — На ветер и течение вы здесь капитан.

Амара посмотрела на неё и впервые улыбнулась. Улыбка вышла быстрой, открытой, и вся её строгость на миг раста-

яла.

— Тогда пойдёмте, — сказала она. — До рассвета осталось недолго.

Они разошлись к утру. Мерсье, измученный и счастливый, шёл по пристани к шлюпке, рядом шёл Финч, который говорил без умолку о камуле, о звёздах, о том, что Амара обещала научить его узлам. Блэквуд шла позади, задумавшись. У самой воды она остановила Мерсье рукой.

— Огюстен.

— Да?

— Бонвиль. Вы ему не доверяете.

— Нет.

— Я тоже. — Она посмотрела на тёмную воду. — Но мне нужен корабль сопровождения, а у него лучший шлюп в этих водах. Я дам ему десятую долю. Только пусть держится у нас на виду.

— Вы уверены?

— Нет. Но лучше знать, где враг, чем гадать, откуда он ударит.

Мерсье кивнул.

На пристани их ждал посыльный. Молодой солдат гарнизона, запыхавшийся, с запиской в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.